

Николай Митрохин

**«ОТВЕТСТВЕННЫЙ РАБОТНИК ЦК КПСС» ВЛАДИМИР САПРЫКИН:
КАРЬЕРА ОДНОГО СОВЕТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АТЕИСТА¹**

Традиционное описание взаимоотношения власти и общества в СССР десятилетиями держалось на бинарной парадигме. Авторитарное правление непонятно откуда взявшихся (не имеющих в таком описании ни внятно атрибутированного происхождения, ни образовательного бэкграунда) партийных «аппаратчиков», использующих отдельных коллаборантов среди интеллигенции и тихое сопротивление априори стремящегося к добру и свободе «общества», под которым понимается большая часть той же интеллигенции.

Мне в моих исследованиях, посвященных аппарату ЦК КПСС в 1953–1985 гг., приходится сталкиваться с другим. Партийные чиновники этого «верхнего» эшелона советской власти оказываются плотью от плоти советской интеллигенции. Лишь очень малая часть тех, кто учился в вузах, однозначно определял свое будущее как «диссидентское» (в терминах позднейшего времени) или «партийное». Основная масса (в том числе ее политически активная часть, заседавшая в комсомольских бюро) так четко вопроса не ставила, а степень участия во власти в позднейшее время определялась целой совокупностью обстоятельств, включая в первую очередь собственное желание (откликаться на те или иные предложения или нет) и собственные способности (интеллектуальные, деловые)².

¹ Интервью с В. Сапрыкиным и В. Кувенёвой были взяты в рамках проекта по изучению аппарата ЦК КПСС, поддержанного в 2006–2008 гг. Gerda Henkel Stiftung (Германия). Интервьюирование остальных бывших советских специалистов в области религии и атеизма, а также написание данной статьи осуществлено за счет гранта, выделенного автору в 2009 г. Центром политической философии (Москва) на реализацию проекта «Система управления религиозностью в СССР, советские религиоведы и поиск ответов на вечные вопросы бытия в последние десятилетия существования советской власти: от теории к практикам».

² Моя более подробная аргументация на эту тему содержится в следующих текстах: *Митрохин Н.* 1) Аппарат ЦК КПСС в 1953–1985 гг. как пример закрытого общества // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 6 (100) [<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1641/167/>]; 2) Заметки о советской социологии (по прочтению книги Бориса Фирсова) // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 3 (98) [<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/199/>]; 3) Революция как семейная история: из интервью и мемуаров работников аппарата ЦК КПСС 1960–1980-х годов // Антропология революции: Сб. статей. М.: НЛО, 2009. С. 435–476; 4) Рецензия на: Алексеева Л., Голдберг П.

Более того, советская система создала целую сеть формальных и неформальных институций и сообществ, которые играли промежуточную роль между, условно говоря, массовыми группами интеллигенции и партийными функционерами. Одним из таких сообществ стали борцы с религией — люди с высшим образованием, принадлежавшие к интеллигенции, которые в 1960–1980-е гг. имели свое вертикально структурированное сообщество, объединявшее и региональных активистов и сотрудников научной институции при аппарате ЦК КПСС. Интеллектуалы с университетскими значками в эту сферу шли неохотно, но она была вполне приемлема для «нормальной» советской интеллигенции, имевшей не так много шансов интегрироваться в академическую науку. Героем данной статьи стал типичный русский интеллигент, провинциальный учитель истории, грамотно воспользовавшийся «социальным лифтом» сообщества профессиональных борцов с религией, чтобы пробиться наверх. Но был ли его уход в крестовосцы атеистической идеи продиктован исключительно рациональным выбором?

Детство и юность пропагандиста «научного атеизма», а также кое-что о network

С комсомольской, партийной и творческой активности в вузе началась и карьера героя данной статьи — Владимира Сапрыкина. Для будущего работника аппарата ЦК КПСС его формальная биография была достаточно стандартной.

Он родился в 1935 г. в семье крестьянина-передовика в селе Омской области. Отец погиб на войне. Он сам подростком работал в колхозе, уже в 10 лет награждался как передовик возом колхозного сена, затем поступил на историко-филологическое отделение пединститута в казахстанском областном центре Петропавловске, который располагался в 170 километрах от его родного села. Там он активно участвовал в комсомольской организации, вузовской самодеятельности, был чемпионом области по фехтованию. После вуза, который он окончил в 1959 г., не смог поступить в аспирантуру и был направлен по распределению работать учителем истории в небольшом шахтерском городе Балхаш Карагандинской области. Проработав там год, в ходе областной проверки знаний педагогов осенью 1960 г. был признан одним из двух лучших педагогов города и вслед за тем немедленно получил предложение стать лектором (официальная должность) отдела пропаганды горкома партии. Еще через год ушел на повышение инструктор горкома, который передал Сапрыкину часть своих обязанностей, включая кураторство над «атеистическим воспитанием». Через пару лет нашего героя назначили главным редактором местной газеты, параллельно он работал на местном телевидении международным обозревателем. Дальнейшая партийная карьера (с учетом сначала аспирантуры, а потом докторантуры в Академии общественных наук при ЦК КПСС) привела его сначала на пост завотдела пропаганды Карагандинского обкома КПСС, а затем в 1979 г. — в ЦК, где он дорос до поста заведующего сектором партийной учебы Отдела пропаганды.

Владимир Сапрыкин в конце 1960-х гг.
Из личного архива В. Сапрыкина

Как тот рядовой пехотинец, который пропахал на брюхе всю передовую от Сталинграда до Берлина, я, образно говоря, так пропахал всю свою партийную карьеру на, по существу, рядовых должностях в партийном аппарате. Т. е. в этом смысле я классический партаппаратчик. Но я в это слово вкладываю не негативный, а позитивный смысл. Как армия держалась на рядовых пехотинцах, солдатах, так и партия наша держалась не только на рядовых коммунистах, но и на тех, кого называли партаппаратчиками.¹

Такой нарратив своей жизни, с его перевернутой с ног на голову логикой, Сапрыкин рассказывает сходу, подчеркивая то, что от советской власти он получил всё: «Крестьянский сын стал доктором наук». Существенным дополнением к биографии служит дополнительный (по просьбе интервьюера) рассказ о родственниках, из которого выясняется, что семья, будучи формально «крестьянской», по всем признакам относилась к сельской интеллигенции. Три из четырех сестер отца были сельскими учительницами, в том числе учили своего племянника, одна из сестер матери также была педагогом, обе его сестры также учились в педагогических училищах. Таким образом, семья сформировала ему мотивацию к получению высшего образования и передала позитивное отношение к советской власти:

Как мне сам (дед по матери. — *Н.М.*) Кузьма Николаевич рассказывал, а я к нему часто ходил, я с ним любил беседовать, он был очень мудрый, интересный человек, тот (дядя рассказчика — офицер НКВД, арестованный коллегами и повесившийся в 1937 г. в Омской тюрьме. — *Н.М.*) ему написал письмо:

¹ Интервью с В. Сапрыкиным. 2007.

«Отец, я ухожу из жизни, сил больше нет терпеть. Но знай: я никого не предал, ни тебя, ни партию. Я был и остаюсь коммунистом». Такое письмо через кого-то он сумел передать деду. <...> Моей бабушке принадлежат интересные слова. Безграмотной, глубоко религиозной, обычной работнице. Дословно: «Берегите советскую власть. Она лучше прежней. При советской власти людям дают образование и нельзя больше бить женщин». Она имела возможность сравнивать, поскольку она половину своей жизни жила в дореволюционной России. А родной брат моей бабушки Кузьма Николаевич Волосников, машинист паровоза, был коммунистом с дореволюционного времени. Но интересная вещь: в 30-е годы он был исключен из партии. За что же он был исключен из партии? Он избил свою жену. И его исключили. И он <...> оставался по своим убеждениям коммунистом, но членом партии больше не был. Видимо, моя бабушка, его сестра, на этом примере и говорила, что больше нельзя бить женщину. На таких ценностях и она нас воспитывала¹.

На следующем плане в истории жизни Владимира Сапрыкина находится его участие в том, что мы сейчас можем назвать «сети» (network). Оно дает представление о том, какое количество сетевых структур находилось в распоряжении энергичного и небесталанного социального актора, который мог в зависимости от ситуации оперировать «сетевыми» связями в свою пользу, но и сам нес ответственность за участие в «сети», обеспечивая возврат вложенного в него социального капитала.

Первая «сеть», возможностями которой он начал пользоваться, была сеть семейная. При подробных расспросах рассказчика выясняется, что заявленное им первоначально «распределение» после института в город Балхаш было на самом деле четко отрефлексированным бегством от возможного возвращения в деревню. Причем бегством на подготовленную почву: в Балхаше уже жила тетка, и потом к ним переселилась еще группа его ближайших родственников.

В Балхаше он удачно входит в состав другой «сети» — сообщества бывших активистов комсомольской организации Балхашского горно-обогатительного комбината 1930-х гг., лидером которой был Динмухамед Кунаев — первый секретарь Казахского республиканского комитета партии, то есть первое лицо в республике. Как главный редактор местной газеты, Сапрыкин решает сделать серию материалов с бывшими участниками строительства комбината и теми, кто начал на нём работать в 1930-е гг. Через Ивана Волкова, заместителя директора комбината по общим вопросам, входившего в это сообщество, он получает доступ не только к нескольким руководителям республиканской металлургической промышленности, но и к Кунаеву.

Хотя подобные знакомства (а также незаурядные личные качества самого Сапрыкина), возможно, обеспечили его следующий шаг по карьерной лестнице — занятие поста заведующего отделом пропаганды горкома, а также полезные контакты в республиканском центре, дальнейшее развитие его карьеры пошло по другому пути. Сапрыкин не смог в полной мере воспользоваться возмож-

¹ Там же.

ностями «балхашского клана», потому что он не был инженером по профессии (а позиции «балхашцев» были сильны именно в сфере металлургии), а идеологическая сфера в самом городе была невелика, и он, заняв пост завотдела пропаганды горкома, достиг «потолка» возможностей. Секретарем горкома по идеологии в рамках негласных этнических квот утверждался только этнический казах. На областном уровне — то есть в Караганде — царили свои группировки, которые и в Алма-Ате имели своих представителей. Путь вверх лежал для Сапрыкина через другой network — сообщество «научных атеистов».

Балхашские борцы с религией

В списке дел, которыми должен был заниматься инструктор горкома, атеистическая работа занимала примерно четверть рабочего времени. Однако именно она стала первоочередным объектом внимания Владимира Сапрыкина. Сам он в качестве причины своего интереса к теме называет случайное совпадение (о котором мы поговорим позже). Однако, как следует из всей совокупности материалов, собранных по балхашским борцам с религиозностью, дело, по всей видимости, обстояло несколько иначе. Сапрыкин пришел в 1961 г. на подготовленную его предшественниками почву.

Хрущевская кампания по борьбе с религиозностью мобилизовала многочисленных низовых активистов, желание которых побороться с «мракобесием» явным образом не сводилось только к сиюминутным поискам материальной выгоды или желанию «сделать карьеру». Интервью с Сапрыкиным, а также другие источники, дают нам подробный список и социальные характеристики людей, которые занимались борьбой с религиозностью в этом в общем-то немаленьком (более 100 тыс. населения), но затерянном в казахстанской полупустыне городе Балхаш, на строительство которого в 1930-е гг. приехало множество разноязыкой публики и который служил также одним из мест расселения «спецпереселенцев», ссыльных и бывших политзаключенных. Пестрая этническая карта города естественно способствовала мультиконфессионализму его обитателей, в частности деятельности различных, преимущественно протестантских, групп, а также «свидетелей Иеговы», с которыми и была настроена бороться местная «атеистическая общественность».

Пока «высоколобая» часть советских религиоведов и воспитателей атеизма спорила между собой по вопросам трактовки этики в строящемся коммунистическом обществе, Сапрыкину пришлось иметь дело с комсомольскими энтузиастами низового уровня, чья борьба с верующими велась откровенно криминальными способами. Например, они стреляли из ружья под окнами молитвенных домов протестантов, чтобы сорвать им собрание.

Вместе с тем в городе действовал кружок интеллигенции, которая предпочитала работать с верующими «словом». «У меня же огромный актив был атеистов-пропагандистов. Со мной работал Берчатов Владимир Николаевич, главврач городской поликлиники, [Лидия Евгеньевна] Рудницкая — завуч средней школы № 23, <Любовь Александровна> Орлова — директор [той же] школы, Еськова

Зинаида Ивановна — директор дворца культуры¹. Лидером этого кружка был журналист местной газеты «Балхашский рабочий» Алексей Ананьевич Сулацков, публиковавший в ней энергичные антирелигиозные статьи.

Создателями этого весьма заметного общественного движения, объединившего совершенно разных людей, искренне заинтересованных в религиозной тематике, были инструктор отдела пропаганды горкома, юрист по образованию Семён Рувимович Розман и руководитель городского управления КГБ Александр Васильевич Слобченко. В 1960–1961 гг. на ниве борьбы с религиозными организациями они явно добились успеха, сумев не только создать яркую сеть атеистических пропагандистов, но и вступить в переговоры с членом местной «килки» (ячейки) «свидетелей Иеговы» Михаилом Стреланом. Сапрыкин исповедует и по сей день идею о том, что все «свидетели Иеговы» — бывшие бендеровцы, а следовательно, «фашистские агенты», которые в лагерях «перекрасились» в иеговистов, но продолжают быть ярыми врагами советской власти.

Сапрыкин пришел на работу в отдел пропаганды горкома, вскоре переименованный в идеологический отдел, в октябре 1960 г. Осенью 1961 г. Розмана повысили — он стал инструктором отдела административных органов Карагандинского обкома (курирующего в том числе правоохранительные органы и, в частности, борьбу с инакомыслящими). Вполне вероятно, его позвали «наверх», чтобы готовить процессы против «свидетелей Иеговы», которые прошли в области 1962 г. и являлись ответом на требования Москвы усилить репрессии против верующих. Позже он стал одним из прокуроров области. Как говорилось выше, Сапрыкин, по его собственным словам, никакого доселе интереса к религии не выказывавший, унаследовал от Розмана сейф с папками, в которых лежали дела с записями о странных людях, называвших себя «свидетелями Иеговы», и должность председателя атеистического совета при идеологическом отделе горкома. Получив после первого фиаско — проигранного спора со «свидетелем Иеговы» Михаилом Бомбой — консультации поочередно Слобченко, Стрелана и врача Берчатова, дававшего ему атеистическую литературу по этой «секте», Сапрыкин неожиданно для себя увлекся этой темой и продолжил свою антирелигиозную борьбу не только на посту инструктора горкома, но и в должности редактора городской газеты.

Земляческий network в советском религиоведении, или Одна аппаратная карьера

На этом этапе важную роль в судьбе Сапрыкина сыграл инструктор аппарата ЦК Компартии Казахстана Артур Артемьев. В 27 лет, в 1963 г., он становится инструктором отдела пропаганды ЦК с поручением курировать атеистическую работу и республиканское отделение Института истории партии. По его словам, он тут же попал под влияние академических религиоведов в возрасте, которые объяснили ему необходимость аккуратного и тактичного обращения с верующими.

¹ Там же.

Благодаря их советам и поддержке Артемьев на всю жизнь связал себя с данной тематикой, занимая впоследствии посты замзавотдела пропаганды аппарата ЦК Компартии Казахстана и будучи в течении семи лет (1984–1991) заместителем уполномоченного Совета по делам религий по Казахстану.

А в середине 1960-х гг., посмотрев на республиканские кадры, он нашел единомышленника Сапрыкина¹ и стоящую за ним «балхашскую группу». Коллективная позиция «балхашской группы» о необходимости систематического интеллектуального и морального давления (т. н. индивидуальной работы) на каждого из верующих с целью заставить отречься от веры, была изложена в книге, изданной в 1965 г. в Алма-Ате².

В 1966 г. Артемьев позвал Сапрыкина участвовать в семинаре-совещании по атеистической пропаганде в Алма-Ате, на котором присутствовал ученый секретарь Института научного атеизма (ИНА), бывший лектор ЦК КПСС Анатолий Иванов и старший референт ИНА Ремир Лопаткин. Выступление Сапрыкина с осуждением криминальных («незаконных») методов борьбы с религиозностью и предложением более мягких «идейных» методов перевоспитания, хотя и было плохо воспринято многими из присутствовавших коллег, привыкших совсем уж грубо «давить» в данных вопросах, однако лежало в русле тех идей, которые в общем и целом отстаивал ИНА (и Артемьев) в развитие новых, постхрущевских общих установок отдела пропаганды ЦК КПСС: действовать в отношении верующих словом и убеждением, формировать новую культурную реальность, иметь вежливые по форме отношения с легально действующими религиозными институтами.

Иванов, поговорив с Сапрыкиным в кулуарах и еще раз убедившись в перспективности «кадра», пригласил его поступить в подчиненную ему по должности аспирантуру Института научного атеизма, который, напомню, был в составе Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС в Москве. Для аппаратчика из небольшого городка, даже не областного центра, это было большой (и заслуженной в случае Сапрыкина) удачей. Получение образования в АОН влекло за собой переход в фактический резерв аппарата ЦК КПСС, а для значительного количества провинциалов, поступающих на учебу в АОН, могло обернуться и приглашением на работу в ЦК или иные московские партийные структуры.

Сапрыкин в Москве, впрочем, полностью своим шансом не воспользовался. И ему пришлось вернуться в родную Карагандинскую область, получив в качестве утешительного приза должность руководителя лекторской группы обкома. Впрочем, в Караганде его карьера в партийных органах складывалась вполне успешно. В 1973 г. он становится заведующим отделом науки и учебных заведений обкома, а через год — заведующим отделом пропаганды. В то же время, по его словам, его не оставляло желание перейти на академическую работу, дающую больше покоя, самореализации (он прекрасный лектор) и денег.

¹ Их отношения также сохранялись в течение многих лет, в частности Сапрыкин настойчиво пытался перевести Артемьева на работу в ЦК КПСС или на другую должность в Москве, что не удалось по независящим от них обоим причинам. См. интервью с А. Артемьевым. 2009.

² Сапрыкин В., Сулацков А., Рудницкая Л., Штейн В. Как мы боремся с сектантством. Об опыте атеистической работы в городе Балхаше. Алма-Ата: Казахстан, 1965.

Поэтому Сапрыкин поступает в заочную докторантуру при АОН, проводит по методике, почерпнутой во время учебы в ИНА, масштабное социологическое исследование (анкеты, обсчеты на ЭВМ), в 1978 г. защищает докторскую по философии (реально — социологии). Несмотря на ее официальное название «Проблемы формирования научно-материалистического атеистического мировоззрения в условиях социалистического города»¹, проделанной работе нельзя отказать в содержательности.

После защиты диссертации Сапрыкин начинает готовить для себя почву для ухода из аппарата — и уже имеет две договоренности. Его точно ждут на посту проректора Карагандинского университета, где он уже читает лекции, и у него идут переговоры о переводе в Москву, где новый ректор АОН — такой же партийный схоластик и дидактик, бывший куратор религиозно-атеистической тематики в ранге заместителя заведующего отделом пропаганды Вадим Медведев предлагает ему преподавательское место.

Работа в аппарате ЦК КПСС

И в этот момент долговременная привязка к религиозоведческому сообществу срывается, вынося Сапрыкина на новый виток карьеры. Его как бывшего аспиранта ИНА, целого доктора наук по вопросам научно-атеистической работы и одновременно достаточно высокопоставленного партийного чиновника из «мусульманского» региона, в числе трех делегатов от Казахстана приглашают в Москву на совещание по исламской проблематике. Причиной совещания, состоявшегося в декабре 1979 г., стала, с одной стороны, подготовка к вторжению в Афганистан, а с другой — исламская революция в Иране, которая привела в замешательство партийных идеологов². Руководитель делегации — всё тот же Артур Артемьев — дает Сапрыкину слово для основного выступления «от республики». Сапрыкин реализовал свой шанс и сумел понравиться руководившему совещанием заместителю заведующего отделом пропаганды Петру Лучинскому. Так что при формировании группы по вопросам религиозности в ЦК он попадает в ее состав. Другой вопрос, что уже скоро в ЦК выясняется его непрофессионализм именно в сфере ислама и вообще его слабые знания о деятельности религиозных институтов, а также довольно скандальный характер. Но для манерных, поверхностных и говорливых бывших комсомольских функционеров, стоявших

¹ Сапрыкин В. Социалистический коллектив и атеистическое воспитание. М.: Политиздат, 1983. Эта работа была переиздана Политиздатом уже в 1990 г. под названием «Трудовой коллектив: атеисты и верующие».

² «Секретариат ЦК КПСС 20 июня 1979 г. принял постановление „Об изучении теории и практики современных мусульманских религиозно-политических движений“. В октябре того же года институт (научного атеизма. — *Н.М.*) провел круглый стол на тему „Актуальные проблемы изучения современного ислама“ с участием ученых из Средней Азии, Казахстана, с Кавказа и Поволжья. По результатам обсуждения в соответствующие отделы ЦК были направлены аналитические записки, в том числе „Роль мусульманского духовенства в событиях в Иране“ — в международный отдел». — См.: Зув Ю. Институт научного атеизма (1964–1991). С. 18 [http://religio.rags.ru/journal/anthology1/a1_1.pdf].

во главе отдела, Сапрыкин оказывается стилистически своим. И они его нежно оберегают от другого сорта работников аппарата ЦК — профессиональных партийных чиновников, специалистов в конкретной тематике, реально тянущих ляжку аппаратной работы.

Таким, в частности, является прямой начальник Сапрыкина — Эмиль Лисавцев, к тому моменту уже полтора десятилетия непосредственно отвечающий за политику партии в сфере религии и атеизма. Он хорошо знаком с Сапрыкиным еще со времен учебы последнего в аспирантуре ИНА, и, вероятно, потому сразу отстраняет его от реальных дел, поручив заняться малозначимой и скучной административной работой.

Это вызывает прямой конфликт Сапрыкина с Лисавцевым. Сапрыкина фактически выводят из состава группы, сохраняя в составе сектора. Потом его пытаются тихо «сплавить» в заместители директора ИНА, на что он не соглашается, поскольку это реально понижало его «аппаратный статус». Затем решением Евгения Тяжелникова его переводят в лекторскую группу отдела, что было не таким сильным понижением.

Там Сапрыкин оказывается на своем месте, поскольку на самом деле является абсолютно уникальным рассказчиком. В 2007 г., в свои 72 года, он мне давал интервью в течение 7 часов подряд, отчитав до того студентам три «пары» (то есть проговорив предварительно еще четыре с половиной часа). Его семичасовой рассказ блистал красноречием, напором, модуляциями голоса, припоминаемыми с ходу мелкими подробностями, событиями пятидесятилетней давности и, временами, отменной демагогией, произносимой с искренней убежденностью.

Так что Сапрыкин благополучно дорабатывает в аппарате ЦК КПСС практически до распада СССР, причем в 1986 г. становится заведующим сектором партийной учебы. Параллельно Сапрыкин является секретарем партийного бюро отдела пропаганды, фактически главным хранителем коммунистической идеологии и морали в этом центре производства коммунистической идеологии и морали. В 1989 г. Сапрыкин организует себе синекуру в виде руководства Всесоюзным домом политического просвещения при ЦК КПСС, которую у него отнимают события августа 1991 г. После них он становится заведующим кафедры культурологии одного из московских технических вузов и по настоящее время остается на этом посту. Попытка начать политическую карьеру заново в 1990-е гг. приносит ему пост кандидата в члены ЦК КПРФ, однако явно усиливающаяся с годами бескомпромиссность (в том числе на почве атеизма) ссорит его с Геннадием Зюгановым. Ныне его идейными соратниками являются только коммунистические фундаменталисты из малоизвестных организаций.

«Возвращение человека к своей сущности» в шахтерском городе Балхаш

Те, кто реализовывал советскую религиозную политику или отвечал за нее на региональном уровне, любят говорить о себе как о либералах, которым только указания вышестоящих инстанций не давали «отпустить вожжи» в данном вопросе.

Не подвергая сомнению сам тезис о том, что люди, непосредственно занимавшиеся религиозностью, больше в ней понимали и были склонны к большей чуткости (или же либерализму) в данном вопросе, чем прочие сотрудники отделов пропаганды, не желавшие разбираться в проблематике и склонные рубить с плеча, всё же отметим, что пропагандируемый тем же Сапрыкиным индивидуальный подход к верующим, индивидуальная над ними «опека» самими верующими (и уж точно в наше время) вряд ли могли оцениваться как проявления гуманизма.

Мои интервью с Сапрыкиным (всего их было четыре) проходили в 2007–2008 гг. и начались с упоминавшегося выше примера успешности «работы» со «свидетелями Иеговы» в Балхаше. Дескать, после того как он получил моральный отпор от сверстника Михаила Бомбы¹, Сапрыкин подчитал литературы, и затем путем прямой обработки ему удалось вытянуть из «секты» главу её балхашской организации Михаила Стрелана и тем самым организацию развалить. А тот был ему за это так благодарен! И лишь год спустя я сообразил спросить Сапрыкина о том, что же случилось с тем Михаилом Бомбой, с которого он начал свою «работу» с верующими. Оказалось, что Бомба и другие верующие из его группы были арестованы КГБ и отправлены в лагерь. И хотя сам Сапрыкин не считал себя виновным в их судьбе (при этом, как выяснилось из архивного дела, его показания о «злобных клеветнических измышлениях» собеседника по поводу «достижений СССР» наряду с другими легли в основу обвинительного заключения²), он, с одной стороны, признал, что КГБ имело доступ ко всем документам горкома по данной проблематике и сам он там черпал первичную информацию о «свидетелях Иеговы», а с другой — настаивал на правильности наказания за подпольную деятельность, которой занимались «нераскаивающиеся».

Стрелана же не только заставили выйти из организации, но и дать публичные показания о структуре и способах связи членов этой подпольной религиозной группы. В первую очередь по показаниям Стрелана 14 сентября 1962 г. был осужден актив группы «свидетелей Иеговы» в Балхаше³. На основном карагандинском процессе, проводимом в марте 1962 г.⁴ в увязке с областным семинаром пропагандистов по атеистической работе, Стрелан выступал в качестве общественного обвинителя. Тогда к различным срокам заключения было приговорено 11 человек. Кстати, оказалось, что Сапрыкин первоначально открывенно выдавал желаемое за действительное, говоря о прекращении деятельности «свидетелей Иеговы» в результате собственной «индивидуальной работы» с верующими в начале 1960-х гг. На смену вышедшим и посаженным приходило следующее пополнение, с которым городские атеисты вынуждены были сражаться по новой.

¹ Подробно эта история, как и многие другие яркие детали из интервью, была опубликована мной в 2008 г.: «Обыденное сознание любит простые решения...» Беседа Николая Митрохина с Владимиром Александровичем Сапрыкиным // Неприкосновенный запас. М., 2008. № 3 (59). [<http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/sa14.html>].

² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 97504. Л. 6.

³ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 98299. Л. 1.; Д. 97504. Л. 6–8, 10–12.

⁴ 58–10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганды. Аннотированный каталог. Март 1953–1991 / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. (Россия. XX век. Документы). С. 585.

Метод, которым Сапрыкин «убедил» Михаила Стрелана, был понятен, хотя подробности «уговоров» он вспоминать не стал: молодой парень (только несколько лет как примкнувший к «свидетелям» и стремительно сделавший там карьеру) нуждался в квартире для своей семьи, где только что появились дети¹. Сапрыкин со своей партийной позиции обеспечил ему всё это и пожал плоды. За кулисами осталась роль городского управления КГБ, возможное участие которого в «обработке» Стрелана Сапрыкин отрицать не стал. Однако более интересным для характеристики его собственной личности является история о том, каким образом Сапрыкин вывел из «секты» еще одного ее члена. Этот фрагмент интервью нуждается в более подробном цитировании, поскольку ярко иллюстрирует не только методы, которыми проводилась индивидуальная работа, но и мотивацию самого борца с религией:

Однажды приходит ко мне замсекретаря парткома треста «Прибалхашстрой»... Говорит: «Владимир Александрович, у нас ЧП. Вы знаете, у нас есть штукатур, казашка. Досукова Мария Исаевна. Орден Ленина и старый член партии. Она у иеговистов»². Я говорю: «Не может быть». — «Да. Помогите». Я, *поскольку уже руку набил* (здесь и далее особо примечательные выражения выделены мной. — *Н.М.*), иду в трест, встречаюсь с Досуковой. А они уклоняются, они напрямую никогда не говорят. И мы с ней стали работать. Она член горкома партии — сидит во всех президиумах на торжественных собраниях, орденосец. Причем *не раскальвается*, извините за этот термин. Мне ничего не говорит, плачет только. Впрямую не говорит, но ее всё поведение — она от партии отрешивается, от всего. Вопрос стоит об исключении. Я докладываю по инстанции — пришел к первому секретарю. Он говорит: «Ты со своими иеговистами сам свихнулся. Что ты чепуху несешь? Казашка — она к мусульманам должна идти, а тут это самое. И вообще, мы не знаем Досукову, что ли?». Я говорю: «Как хотите». — «Я сам буду с ней разговаривать». И он вызвал ее к себе. Она ему сказала: «Да». Он тогда вызывает меня и в панике: «Надо ж в обком докладывать, а это ЧП! Давай что-нибудь делай». Начали думать, что делать. Она стоит скалой, кремь. И я нашел выход. Говорю: *кто у нее родственники?* Начал выяснять. Оказалось, что у нее дочь тоже где-то работает и учится в вечерней школе. Они только вдвоем, у них никого нет родичей. И *мать молится на дочь*, как на красное солнышко. Я приглашаю к себе дочь. Продумываю беседу, понимаю, что тут можно дров наломать. Начинаю издали ее готовить: как живут, как учеба, то, се, пятое, десятое. Как у вас отношения? Не заметили ли вы, что ваша мать изменилась за последнее время? «Да, она стала замкнутой, какой-то отчужденной. Пропадает вечерами». — «А где она бывает?» — «Она не говорит. Она там гуляет». — «А где же она бывает?» — «Ну, она не говорит, ходит к знакомым...». И я ей говорю: «А вы знаете, что с вашей мамой то-то произошло?». Надо было

¹ Кратко эти мотивы обозначены в статье Сапрыкина о судьбах бывших «сектантов»: Сапрыкин В. Вовращенное счастье // Балхашский рабочий. 1965. 14 декабря.

² Реально Досукова отказалась голосовать в поддержку резолюции собрания треста «Прибалхашстрой» с осуждением «свидетелей Иеговы» (см.: Сапрыкин В., Сулацков А. и др. Указ. соч. С. 50).

видеть реакцию дочери. Я не ожидал такой бурной реакции. Она буквально вскочила, она закричала! Она сразу кинулась из кабинета: «Я сейчас! Я не знаю, что я с ней сделаю!». Мне пришлось буквально ее втащить, успокоить. Потом она начала рыдать, с ней началась истерика. Я с ней сидел полдня. Наконец успокоил и сказал: «Если вы не хотите наделать несчастий себе и матери, то внимательно слушайте меня. Единственный человек, который может помочь матери, это вы. Не партком, не горком, не начальник цеха, не рабочие по бригаде, где она работает, — только вы. Она вас бесконечно любит, но вы единственный человек». В общем, мы разработали целую программу, и она согласилась со мной.

— Что за программа?

В. САПРЫКИН: Беседа с матерью, работа с матерью. Через три дня мать прибежала ко мне в горком. Сама, одна. И всё рассказала. <...> И опять *банальщина* в самом прямом смысле слова. Орден Ленина, государственное и партийное признание, старый член партии, ее портрет на доске почета, на празднике она сидит в президиуме, ее славословят — демагогия идет. А начальник участка оскорбляет ее, унижает ее, втаптывает в грязь. И это раздвоение, когда она видит: значит, то, что вы нам говорите, это не более чем демагогия, а реальная-то жизнь — вот она, с хамом. И на этом сыграли эти иеговисты. Нам пришлось очень много сделать, чтобы наказать того начальника. Т. е. *эта работа — это не просто пропаганда каких-то абстрактных положений. Это возвращение человека к своей сущности*, это сложнейшая, тончайшая работа. Вот что меня интересовало в этом процессе¹.

В общем, неудивительно, что кандидатская диссертация Сапрыкина в ИНА называлась так: «Роль субъективного фактора в процессе преодоления религии в условиях социализма». Манипулирование человеческими страхами и надеждами, сочетание кнута и пряника были сутью советского «свободомыслия», однако их использование в значительной мере зависело от личной заинтересованности конкретного пропагандиста. Набранного материала (а это около 140 страниц отредактированного мной текста интервью), на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы попытаться понять, почему этот человек был столь активно вовлечен в «*возвращение человека к своей сущности*» и борьбу с «*банальщиной*».

Вместо заключения, или О том, противоречат ли друг другу профессии священника, учителя и профессионального атеиста

История жизни Владимира Сапрыкина, рассказанная им самим и дополненная друзьями и недоброжелателями, при всей своей прихотливости и специфичности поля, на котором он играл, довольно типична.

Несмотря на то что жизнь Сапрыкина начинается почти через двадцать лет после Октябрьской революции, его биография (как и другие тщательно изученные биографии многих других работников аппарата ЦК, советских специалистов по

¹ Интервью с В. Сапрыкиным. 2007.

религии, да и любой другой категории советских граждан) демонстрирует, какое продолжение получили внутри советского общества те формы социальной организации, которые сложились в предреволюционный период и которые, как априори считается, были подвержены разрушению со стороны коммунистической власти. На деле скорее можно говорить о том, что, несмотря на масштабные разрушения, часть этих социальных конструкций была сохранена, а часть трансформирована во что-то иное, мимикрирующее (сознательно или нет) под приемлемые властью формы. Эти процессы сами по себе могут являться предметом отдельного интереса.

Например, судьбу Сапрыкина можно рассматривать в контексте типичного для России (если даже не брать более широкие рамки) процесса превращения семейных кланов, воспроизводящих из поколения в поколение если не священников, то локальных духовных авторитетов (старцев, стариц, наставников), в кланы, производящие образованное сословие, и в частности учителей. Посмотрите, как определяет свое кредо сам Сапрыкин:

Я по профессии был и остаюсь учителем. И на партийной работе я тоже был учителем. В чем заключались мои функции: образование, просвещение, внедрение лучших нравственных, этических, идейных и других норм. <...> Мы везде несли светлое, разумное, вечное, мы утверждали правду. <...> Так вот, я хочу сказать, когда мы были на партийной работе, вы не спрашивайте, зачем вы там были? <...> Что мы делали? Мы шли к униженным, шли к обездоленным. <...> Я убежден в правоте своего дела. И то, что мы делали, это гуманизм высшей пробы. <...> А атеизм, на чем вы педалировали наше интервью, занимал одну миллионную долю в этом деле. Только как направление, связанное [с тем, чтобы] сделать из человека не раба Божьего, а демиурга социального прогресса¹.

Улучшение человека путем прививания, буквально «внедрения» в его голову «лучших нравственных, этических, идейных норм» — это миссия российской интеллигенции, но и миссия духовенства, из среды которого она в значительной мере вышла, если не сказать от которого она оторвалась. Причем Сапрыкину, в связи с ранней потерей отца (тот ушел на войну, когда сыну было шесть лет, и не вернулся), пришлось переживать этот «отрыв» дважды. На «народническую» линию отцовских сестер-учительниц (по своему порывавших с вероятной сектантской средой²) наложился его отрыв от любимой бабки по матери — самой по себе вполне себе религиозного авторитета. Что там творилось в голове у подростка, вдобавок ко всему внезапно ставшего односторонним в пору его психологического созревания, — сказать сложно, но в результате мир получил учителя-моралиста с абсолютно фанатичной жадой проповеди, ищущего аудиторию, которую ему нужно обратить всеми возможными методами. Историк по образованию, он за почти двадцать часов интервью ни разу не заговорил по данной теме — не было ни одного исторического сюжета, который бы привлек его внимание,

¹ Там же.

² К сожалению, в текст данной статьи по причинам ограничения ее объема не вошло обстоятельное расследование весьма вероятного происхождения семьи отца самого Сапрыкина из среды молокан.

зато вопросам морали и нравственности, которые понимались им только как приобщение к избранной и исповедуемой им вере, было посвящено очень много времени. При всём этом, как только разговор переходил на темы, не связанные с религиозностью или «сознанием коммуниста», Сапрыкин тут же превращался в абсолютно адекватного человека, использующего свои богатые речевые способности для яркого рассказа о весьма критических для советского режима вещах.

В их числе были вопросы материального обеспечения деятельности партийного работника, абсолютной рациональности его выбора, которые он обсуждал достаточно охотно, поскольку, как говорилось выше, по его мнению, его проповедническая деятельность должна была быть хорошо обеспечена «ресурсами». И в этом плане ничего отличающего его от облика типичного, среднего «идеологического жреца» также не было. Популярный протестантский проповедник или деловитый директор школы поступили бы на его месте аналогично: выбивая для себя и своей семьи более выгодные финансовые условия и стремясь перебраться в центр цивилизации, а не прозябать в богом забытом месте.

Типична в его истории и оперативная, и операциональная «подладка» под ту социальную «сеть», которая согласна его брать. Мои интервью с другими работниками аппарата ЦК КПСС показывают, что дореволюционные типы неформального социального networking на основе тех или иных непролетарских групповых идентичностей, несмотря на яростное осуждение со стороны официальной советской пропаганды, процветали внутри советской властной элиты. В изучаемый мною период подобный networking, особенно среди провинциалов, которые стремились «пробиться», был чрезвычайно распространен. Сочетания региональной (ставропольцы), межрегиональной (сибиряки), профессиональной (химики), вузовской и социально-политической («комсомольская братия», «казаки») идентичностей у одного человека и подбор контактов через эту идентичность с нужными людьми — вещь более чем обычная.

Типична биография Сапрыкина и для сообщества советских «научных атеистов». В интервью, которых я взял около двадцати, они обычно не склонны связывать свой интерес к теме с историей семейной религиозности, мотивируя свое обращение к ней, как правило, интересом, случайно возникшим при каком-то социальном столкновении. Однако среди опрошенных бывших «научных атеистов» и академических специалистов по религиозности более половины всё же смогли достаточно четко отрефлексировать свои возникшие еще в детстве связи с религиозной или (в одном случае) с агрессивно антирелигиозной средой.

Поэтому можно говорить о том, что заложенное в детстве религиозное воспитание, установки, данные семьей или оказавшими свое влияние воспитателями, установки, которые, возможно, даже не отрефлексированы самим информантом или не считаются им значимыми, могли при благоприятных обстоятельствах проявиться у начинающего свою карьеру советского чиновника с гуманитарным образованием. И тогда он мог стать «научным атеистом», а к концу жизни и вернуться к семейному проповедническому ремеслу, подобно тому как некоторые сотрудники аппарата Совета по делам религий (а в юности нередко — комсомольские функционеры) в 1990-е гг. переквалифицировались в консультанты (а один — и в лидеры) религиозных организаций.